

В. Ф. ПЕТРОВСКИЙ

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В АМЕРИКАНСКИХ БУРЖУАЗНЫХ КОНЦЕПЦИЯХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

За последние годы в международных отношениях произошли существенные изменения. В результате последовательной борьбы за реализацию Программы мира, выдвинутой XXIV съездом КПСС, Советскому Союзу совместно с другими странами социалистического содружества, с коммунистическими и рабочими партиями, со всеми прогрессивными силами мира удалось добиться поворота от «холодной войны» к разрядке напряженности, к утверждению принципов мирного сосуществования в качестве нормы взаимоотношений государств с различным социальным строем. Укрепление мировой социалистической системы, рост рабочего и национально-освободительного движения, крушение колониальной системы, заметное падение престижа США в странах Европы и «третьего мира», обострение противоречий внутри страны побудили американские правящие круги встать на путь пересмотра провозглашенных ранее внешнеполитических доктрин, более трезво подойти к оценке мировых событий. Ставка на политику «с позиции силы» обанкротилась, США вынуждены были приспособляться к новым условиям, идти на переговоры, соглашения и сотрудничество.

Мирное сосуществование, разумеется, не снимает противоречий между социализмом и капитализмом. Противоборство двух мировых систем продолжается. Оно находит свое проявление и в развитии международных отношений, представляющих собой арену постоянной и напряженной борьбы различных тенденций, за которыми стоят интересы различных классов, социальных и политических сил. В этих условиях идеологическая борьба в сфере международных отношений приобретает особое значение.

В США издается множество книг, посвященных внешней политике и дипломатии. Их авторы принимают активное участие в формировании общественного мнения в стране, обеспечивают ориентиры для творцов и проводников внешней политики США. Создавая теоретические конструкции, буржуазные исследователи из Соединенных Штатов стремятся играть главенствующую роль на Западе в разработке всей проблематики международных отношений и внешней политики и оказывают значительное воздействие на формирование внешнеполитического мышления руководящих кругов государств всей капиталистической системы.

Марксистско-ленинский анализ различных внешнеполитических концепций американских авторов, прослеживание их эволюции, борьбы тенденций во взглядах на международные отношения, вскрытие их социально-классовых корней помогают более всесторонне уяснить и понять цели внешней политики США, сущность методов и форм, применяемых на практике представителями Вашингтона.

Советские историки и специалисты-международники опубликовали немало работ по вопросам внешней политики США, в которых дан научный анализ и критика отдельных буржуазных концепций и взглядов американских авторов¹. Задача данной статьи — выявить особенности нынешнего этапа в развитии американских буржуазных концепций международных отношений, показать борьбу среди политологов по вопросам подхода США к международным отношениям и применения правительством США методов и средств на мировой арене, раскрыть использование ими новых факторов, и в частности научно-технической революции, в целях приспособления стратегической линии американского империализма в национальном и международном плане к меняющемуся соотношению сил в мире.

* * *

Научно-техническая революция вызвала значительные преобразования в подходе американских буржуазных ученых к конструированию общей концепции международных отношений.

Масштабы влияния НТР в этой области обусловлены практическими потребностями. Информационный взрыв, потрясший все области человеческих знаний, в сфере внешней политики выразился в неимоверном увеличении потока информации. Так, в 1969 г. в госдепартаменте обрабатывалось до 1300 шифротелеграмм в сутки. Еще через 2 года эта цифра выросла до 2000, при этом с каждой из телеграмм снималось в среднем 70 копий, и таким путем в досье поступало 140 тыс. одних только телеграмм ежедневно, или свыше 50 млн. за год. Поток информации принял настолько широкий характер, что в периоды острых кризисных ситуаций, как это обнаружилось во время Карибского кризиса, госдепартамент оказался не в состоянии обработать всю поступающую к нему информацию².

Открывая большие возможности для регулирования потока информации и прогнозирования на его основе исторических процессов, НТР способствовала внедрению новейших технических средств и использованию новых исследовательских приемов и методов в гуманитарных науках. Это, в свою очередь, привело к возникновению множества исторических школ и групп, объединяемых под названием модернистского направления.

В отличие от классического традиционалистского направления в буржуазной историографии и политологии, представители которого ищут определяющий, основополагающий фактор в тех или иных сторонах исторического процесса (разумеется, с позиций буржуазной философии истории), модернисты ведут этот поиск в иной сфере — сфере математических и логических абстракций, пытаясь подвести исторические процессы под правила математики или математической логики. Намечившееся с середины 50-х годов деление на традиционалистов и модернистов охватывает как историков нового и новейшего времени, так и политологов. Весьма

¹ Н. Н. И н о з е м ц е в. Внешняя политика в эпоху империализма. М., 1960; е г о ж е. Современный капитализм: новые явления и противоречия. М., 1972; А. Н. Я к о в л е в. Идеология американской империи. М., 1967; А н а т. А. Г р о м ы к о. 1036 дней президента Кеннеди. М., 1968; Г. А. Т р о ф и м е н к о. Стратегия глобальной войны. М., 1968; Г. А. А р б а т о в. Идеологическая борьба в современных международных отношениях. М., 1970; Ю. М. М е л ь н и к о в. Внешнеполитические доктрины США. М., 1970; е г о ж е. От Потсдама до Гуама. М., 1974; А. К а р е н и н. Философия политического насилия. М., 1971; «Американская историография внешней политики США». М., 1972; «Доктрина Никсона». М., 1972; «Международные конфликты». М., 1972; «США: внешнеполитический механизм. Организация, функции, управление». М., 1972; Л. И. З у б о к, Н. Н. Я к о в л е в. Новейшая история США. М., 1972; Н. В. С и в а ч е в, Е. Ф. Я з ь к о в. Новейшая история США. М., 1972; Б. Д м и т р и е в. США: политики, генералы, дипломаты. М., 1972; А. Е. К у н и н а. Идеологические основы внешней политики США. М., 1973; «США: научно-техническая революция и тенденции во внешней политике». М., 1974; В. В. К о р т у н о в. Идеология и политика. М., 1974.

² J. N a g r. The Professional Diplomat. Princeton, 1969, p. 105.

рельефно этот водораздел обнаруживается во внешнеполитических исследованиях.

По своему содержанию модернистские концепции в области международных отношений весьма разнообразны, некоторые авторы насчитывают их около 30³. Профессор Гарвардского университета С. Хоффман схематично, но более или менее точно различает две линии в подходе представителей модернистского направления к анализу мировой политики: во-первых, систематизация; во-вторых, унификация всех явлений международной жизни с целью создания в обоих случаях соответствующих математических моделей.

Наибольшее распространение при анализе международных отношений получили такие заимствованные из математики теории, как «теория принятия решений», «системный анализ», «теория интеграции», «теория игр», которые интерпретируются как метод анализа и способ подхода к изучению общей взаимосвязи и логики происходящих событий. В процессе разработки этих методов применительно к международным исследованиям создан ряд новых частных методик (модели, сценарии, имитационные и ситуационные анализы, методы внешнеполитического прогнозирования), представляющих собой сумму приемов, по преимуществу технических, для обработки и изучения эмпирического материала. Они дают возможность формализации тех или иных явлений, построения на этой основе определенных схем, характеризующихся качественными показателями, использования в этих схемах математических методов и тем самым применения ЭВМ к анализу отдельных внешнеполитических проблем.

Само по себе использование методов точного анализа, математики, эксперимента в общественных науках, в том числе и в теории международных отношений, оправдано. Однако при этом требуется учитывать в полной мере специфику социальных процессов, отдавать отчет, что существуют определенные пределы их формализации. Нарушение этих пределов приводит к такому искажению исследования, что оно теряет какой-либо реальный смысл.

Возникновение и расширение позиций модернистов, претендующих на создание новых, всеобъемлющих научных концепций международных отношений, привело к консолидации сил противостоящих модернистской школе направлений. Если исследования в области международных отношений после второй мировой войны были отмечены существованием двух школ, следующих канонам классической философии истории, — «реалистов» (Г. Моргантау, К. Томпсон, Л. Халле и др.) и «идеалистов» (Т. Мус, М. Кук, Ф. Таненберг и др.), между которыми велись «великие дебаты» по вопросу о том, какими мотивами (силой или морально-легалистскими соображениями) руководствуются государства во внешней политике, то по мере усиления влияния модернистов на разработку теории международных отношений расхождения между «реалистами» и «идеалистами» стали заметно стираться, и оба течения по существу слились в единый поток, получивший название традиционалистского направления.

Традиционалисты встретили в штыки вторжение модернистских школ в исследование проблем международных отношений. Ведь модернистские школы оспаривали монопольное положение историков и политологов классического традиционалистского направления в сфере обслуживания внешней политики американского государства и претендовали на монополию в создании концепций, связывающих процессы и результаты НТР с задачами внешней политики. Среди теоретиков международных отношений возник новый тур дебагов.

Наибольшие разногласия обнаружались в отношении традиционалистов и модернистов к методике построения общей концепции международных отношений. «Новые академические школы, — пишет один из

³ «Contemporary Theory in International Relations». Englewood Cliffs, 1960, p. 6.

ведущих представителей традиционалистского направления Г. Моргентау, — имеют одну общую цель: всепронизывающая рационализация международных отношений путем создания всеобъемлющей теории. Конечная цель — практическая: увеличить надежность прогнозирования и тем самым устранить неопределенность из политических действий. Тем не менее это практическое назначение отличается от того, к чему стремились традиционалисты. Последние хотели достичь максимальной рационализации и успеха, манипулируя объективными факторами международных отношений, первые же пытаются устранить препятствия для всепронизывающей рационализации, которая присуща объективному характеру международных отношений, путем теоретических построений»⁴.

Несмотря на известную предвзятость критических высказываний традиционалистов в адрес модернистов, им удалось — и весьма конкретно — показать необоснованность претензий модернистов на создание новой «научной» концепции международных отношений, отрыв их теоретических выкладок от реалий современного мира. Традиционалисты подвергли критике модернистов за попытки математизировать, квантифицировать (т. е. выразить в количественных категориях) некоторые социальные, политические и психологические процессы и явления, не поддающиеся квантификации. Вместе с тем в своей критике модернистов традиционалисты зашли в другую крайность, недооценили значение новейших приемов и средств, и в частности методов количественного анализа, которые пытались применить модернисты к анализу международных отношений.

Представители же модернистского направления поставили под огонь критики «слепую приверженность» традиционалистов концепциям Гоббса, Маккиавелли и Ван Ранке, умозрительность их построений, игнорирование влияния НТР на изучение международных отношений, непонимание практической значимости новейших исследовательских приемов и методов, пренебрежение количественной характеристикой основных факторов международных отношений. В качестве центральной мишени критики модернисты избрали то детерминирующее значение в международных отношениях, которое «реалисты» придают силе. Резкую критику встретила трактовка «реалистами» силы как единственного фактора, позволяющего государствам диктовать свою волю, влиять и воздействовать в желаемом направлении на другие государства. Руководствуясь своим пониманием классовых интересов внешней политики США, модернисты исходят из того, что опора на одну только силу не может служить надежным ориентиром во внешней политике в эпоху, характеризующуюся динамичным развитием международных отношений. Из этого, однако, не следует, что модернисты сбрасывают силу со счетов как фактор при анализе международных отношений. Критика ими традиционалистов показывает, что они лишь стремятся по-новому определить параметры силы. Действуя в рамках того же классового подхода к международным отношениям, что и традиционалисты, модернисты оказываются не в состоянии научно обосновать несостоятельность исходных предпосылок концепции «реалистов». Они не желают видеть главного — классовой природы американского государства, которая детерминирует его внешнюю политику и предопределяет характер исканий традиционалистов, объясняет абсолютизирование ими силы и недооценку других факторов, в том числе внешнеполитических программ (стратегии и тактики), принципов внешней политики, категорий, связанных с практическим проведением внешнеполитического курса.

Дебаты наглядно показали, что разграничительная линия, которая существует между традиционалистами и модернистами в вопросе о методах исследований, не столь четко обозначается, когда речь заходит о более важных мировоззренческих проблемах. В ходе дебатов выявилась

⁴ H. Morgenthau. The Truth and Power. New York. 1970, p. 243.

общность социального заказа: анализ международных отношений и направление происходящих в них изменений по удобному для правящей верхушки США руслу.

Продолжение споров по вопросу о преимуществах того или иного метода отвлекло американских исследователей от решения насущных проблем, в которых заинтересован внешнеполитический аппарат американского государства, расплывало ресурсы и средства, выделяемые для научных исследований, грозило расколом американских политологов, занимающихся международными отношениями, на враждующие лагеря. С начала 70-х годов в области исследований международных отношений наметилась вполне определенная тенденция к сближению традиционалистов и модернистов, к объединению усилий обоих направлений на конструировании общей концепции международных отношений⁵. При этом традиционалисты сосредоточиваются на конкретных проблемах международных отношений, модернисты — на методологических.

Идеологической основой, на которой произошел поворот американских исследователей в сторону учета возможностей НТР в области международных отношений, явились различного рода технократические концепции («индустриальное общество» Р. Арона, Ж. Фурастье и др., «новое индустриальное государство» Дж. Гэлбрейта, «стадии экономического роста» У. Ростоу, различные варианты «конвергенции», «деидеологизации» и т. п.), распространившиеся с середины 50-х годов. Будучи своеобразным идеологическим продуктом происходящих под воздействием НТР сдвигов в области экономики, науки и техники, все эти концепции характеризуются в методологическом отношении тем, что в них акцент делается на производительные силы и полностью игнорируются производственные отношения, совокупность которых определяет наиболее существенные черты той или иной общественной системы. К тому же сама характеристика производительных сил, как правило, ограничивается в технократических концепциях главным образом показателями развития техники, а такой важный элемент производительных сил, как люди, сбрасывается со счета.

Исходной установкой технократических концепций являются утверждения о том, что научно-техническая революция автоматически «перемалывает» все существовавшие до сих пор социальные структуры общества, устрояя тем самым коренное противоречие между двумя мировыми общественно-экономическими системами — социализмом и капитализмом. Основным направлением развития всех стран в условиях НТР объявляется последовательное восхождение по ступеням индустриального общества, высшая стадия которого на языке одних авторов (Д. Белл, Дж. Гэлбрейт, У. Ростоу, А. Берле и др.) именуется постиндустриальным, а на языке других (З. Бжезинский, Г. Кан и др.) технотронным обществом.

Современные империалистические державы, и в первую очередь США, предстают в буржуазных концепциях как эталон нового постиндустриального (технотронного) общества и образец научно-технического прогресса. Внешнюю политику США творцы технократических концепций также пытаются выдать за образец добродетели. Они сознают, что поверить в это не так-то просто, и поэтому в обоснование своих утверждений ссылаются на изменение содержания внешней политики под воздействием НТР. Признавая, что многие считают внешнюю политику США империалистической, З. Бжезинский утверждает, что она является таковой якобы только «по внешним признакам». По существу же внешняя политика США, в интерпретации Бжезинского, исходит не из потребностей господствующего класса США, а из вызванной НТР объективной необходимости в широком развитии межгосударственных связей в области экономики, науки и техники⁶.

⁵ «Approaches to the Study of Political Science». Scranton, 1970, p. 466.

⁶ Z. Brzezinski. Between Two Ages. America's Role in the Technotronic Era. New York, 1970, p. 32—35.

Технократические идеи и их классовая направленность (смазывание противоположностей между социализмом и капитализмом, восхваление империализма США как «эталона социального переустройства») дали импульс дальнейшим поискам американских авторов в области международных отношений.

Подавляющее большинство американских политологов сходится на том, что научно-техническая революция, или, как они обычно говорят, «технологический фактор», играет все возрастающую роль на международной арене в силу того, что она открывает новые инструменты и новые формы внешнеполитической борьбы и что в этих условиях императивным требованием становится использование научно-технического прогресса в интересах достижения США своих глобальных и региональных целей. Научно-техническая гегемония провозглашается важнейшим элементом стратегии США во внешнеполитической и военной областях, а обеспечение такой гегемонии отождествляется с национальными интересами США⁷. «Государство, которое первым выработает стратегию использования технологического превосходства,— пишет бывший директор Пенсильванского центра международных исследований, ныне посол США в Таиланде У. Кинтнер,— получит ключ к решающему политическому и военному преимуществу»⁸.

С утверждением, что США являются образцовой моделью научно-технического прогресса, связаны и расчеты на то, чтобы как-то подправить заметно подорванные империалистической политикой международный престиж и влияние США. «Сначала образ Америки,— с горечью констатирует Бжезинский,— ассоциировался со свободой. Сейчас, после серии политических убийств и особенно в результате войны во Вьетнаме, влияние Америки носит не моральный, а научно-технический характер»⁹.

При обосновании необходимости превращения НТР в важный рычаг внешнеполитической деятельности США заметно выявляются два подхода. Большинство американских авторов (К. Хаскинс, Ю. Скольников, М. Банди, У. Кинтнер, Н. Падлефорд, Дж. Линкольн и др.) стоит на позициях «технологического идеализма». Научно-технический прогресс провозглашается ими «основой цивилизации XX в.», независимой переменной величиной, влияющей на структуры как отдельных государств, так и всей системы международных отношений в целом. Высказываясь в пользу активного вовлечения «технологического фактора» во внешнеполитическую стратегию и тактику США, они объявляют НТР «ключом к богатству и могуществу в мире», «основным источником национальной мощи» развитых стран и «лучшей надеждой экономического роста» развивающихся стран.

Под иным углом зрения обосновывают необходимость внешнеполитической активности США в условиях научно-технической революции те авторы (Дж. фон Нейман, Г. Моргентау и др.), которые со скептицизмом взирают на вторжение НТР в сферу международных отношений. В их представлении вышедший из-под контроля научно-технический прогресс грозит возникновением «технологического ада», в котором человек может оказаться лишенным работы, личной жизни и даже человеческого достоинства. В таких же мрачных тонах рисуют они и перспективы в сфере международных отношений. НТР предстает здесь в образе «всепожирющего монстра», приручение которого любой ценой становится задачей, равнозначной спасению человечества от неминуемой гибели.

Такой антитехницизм представляет собой своеобразную реакцию на те уродства, которые порождены использованием достижений НТР в условиях капиталистического способа производства. Однако это направле-

⁷ Подобная концепция иногда называется специальным термином — «новая технологическая политика».

⁸ «Politics and International System». Ed. by R. Pfalzgraff, Jr. Philadelphia, 1969.

⁹ Z. B r z e z i n s k i. Op. cit., p. 25.

ние, казалось бы, диаметрально противоположное «технологическим идеалистам», смыкается с последними, как только дело доходит до практических выводов и пожеланий, адресованных тем, кто осуществляет государственную политику. Происходит это в силу того, что и те и другие вне зависимости от своего личного отношения к НТР выполняют один и тот же социальный заказ — максимально использовать вызванные НТР изменения в интересах монополистической верхушки США.

Критические позиции в отношении этих направлений занимает группа ученых, главным образом историков и социологов, образующих «неоревизионистскую» школу (У. Уильямс, Д. Флеминг, Г. Колко, Д. Горовиц, Г. Алпровиц и др.)¹⁰. Некоторые представители этой школы в своей критике мифа о всеилии непрекращающегося технологического прогресса обращают внимание на социальную сторону научно-технической революции. «Преувеличенные ожидания технологического решения социальных кризисов — явление не новое для Соединенных Штатов, — пишет профессор Калифорнийского университета Г. Шиллер. — Предположение, что богатое информацией общество и обеспечивающие его технические средства избавят нас от пынешних социальных болезней, одновременно жестоко и обманчиво... Основные вопросы, касающиеся характера и перспектив новой технологии, решаются путем применения известного критерия: кому на пользу и под чьим контролем она (новая технология. — В. П.) будет использоваться на практике»¹¹.

Основной смысл превращения НТР в важнейший рычаг внешней политики США буржуазные идеологи усматривают в том, чтобы укрепить с помощью НТР позиции США в соревновании двух систем — капитализма и социализма. Вопрос о том, каким образом воздействует НТР на это соревнование и какой линии следует придерживаться США, является главным предметом дискуссий.

Наиболее распространенной в этой связи является теория конвергенции, согласно которой расширение масштабов НТР вызывает стирание граней между капитализмом и социализмом. Теория конвергенции направлена на то, чтобы создать иллюзию сходства между социалистическими и капиталистическими странами, объединив их под общим понятием высокоразвитых индустриальных стран, и тем самым воспрепятствовать развертыванию борьбы за социализм, а заодно и противопоставить все развитые страны развивающимся. По мере успехов НТР, утверждают приверженцы этой точки зрения, «конвергенционные тенденции, присущие природе и структуре науки и техники, во все возрастающих размерах начинают обнаруживать себя и в области международных отношений» (К. Хаскинс)¹². С помощью новой технологии «опасные трения в мировой политике должны уступить место всеобщему примирению, основывающемуся на силе самого технологического прогресса» (М. Маклюэн)¹³.

Теория конвергенции, на позициях которой стоит в основном либеральное крыло американских политологов, подвергается все чаще резким нападкам со стороны правых буржуазных идеологов (З. Бжезинский, Г. Кан, Б. Вольф), которых особенно пугает то, что эта теория, как они считают, не дает четкого представления о «преимуществах» капитализма в соревновании с социализмом, что она недостаточна активна в борьбе с коммунизмом, а ее внешне объективистский характер может даже посеять сомнения относительно целесообразности оголтелого антикоммунизма.

¹⁰ G. M a d d o c k. The New Left and the Origins of the Cold War. Princeton, 1973; «New Left Diplomatic Histories and Historians. The American Revisionists». Ed. by G. Siracusa. Port Washington, 1973.

¹¹ H. S c h i l l e r. The Mind Managers. Boston, 1973, p. 174—175.

¹² «Foreign Affairs», January 1971, p. 239.

¹³ M. M c L u h a n. Understanding Media. The Extensions of Man. New York, 1964.

Эти авторы противопоставляют теории конвергенции откровенно апологетическую концепцию «американской технотронной цивилизации». Согласно этой концепции, в условиях НТР США, вступившие раньше других в технотронную эру, выдвигаются значительно вперед в своем развитии. Провозглашая США «распространителем технотронной революции», приверженцы этой концепции фактически признают за США «право» на мировую гегемонию и на переустройство всего мира по отвечающему последнему слову техники американскому образцу. Иными словами, здесь в новой «технологической» упаковке присутствуют давние притязания на мировое господство.

Воздействие научно-технической революции на современные международные отношения американские буржуазные авторы рассматривают как важнейший генератор изменений в системе международных отношений, приведших к образованию «новой конфигурации сил» в мире. Одним из первых это отметил президент Вашингтонского института имени Карнеги К. Хаскинс, утверждая, что бурное развитие научно-технического прогресса вызвало процесс увеличения числа самостоятельных центров силы в мире и привело к замене «биполярной картины мира», которая характеризовалась военным, политическим и экономическим противостоянием США и СССР как двух наиболее могущественных держав современности, «стремительно нарастающей многополярностью»¹⁴. Подобная оценка современного мира широко распространена в американской литературе. Свое дальнейшее развитие и конкретизацию она получила в работах профессора Г. Киссинджера, ныне государственного секретаря США, который рассматривает современную систему как многополярную в политическом отношении и биполярную в военном¹⁵.

Процесс образования новой конфигурации сил считается далеко не завершенным. Как отмечает К. Хаскинс, можно ожидать, что к концу десятилетия эволюция в международных отношениях существенным образом затронет взаимоотношения государств не только Запада, но и всей нашей планеты. «К концу столетия продолжающаяся эволюция может, — утверждает К. Хаскинс, — вызвать решающие сдвиги в центрах сил, значительно изменить их конфигурации и даже вызвать новые представления о характере и политическом значении некоторых государств»¹⁶.

Признание американскими буржуазными авторами изменений в международных отношениях является отражением, хотя и в искаженном виде, тех объективных процессов, которые происходят в мире и которые нельзя игнорировать при проведении внешней политики, — прежде всего серьезных изменений в расстановке сил на мировой арене. В то же время «многополярная картина» современного мира, изображаемая в американских исследованиях, заслоняет основное противоречие современной эпохи — противоречие между капитализмом и социализмом. Объяснение же происходящих в мире изменений воздействием только технологического фактора — крайне одностороннее, искажающее существо мировых процессов. Решающее воздействие на соотношение сил в мире оказывает рост политического, экономического и оборонного могущества СССР и всей мировой социалистической системы. Большое значение имеют успехи международного рабочего движения и национально-освободительного движения народов. Что касается происходящих изменений в системе капиталистических государств, то в основе их лежит действие отмеченного В. И. Лениным закона о неравномерности и скачкообразности развития капиталистических стран в эпоху империализма. Состояние же науки и техники является важным, но далеко не единственным и тем более не главным фактором в сложной совокупности причин, определяющих происходящие в мире изменения.

¹⁴ C. H a s k i n s. Scientific Revolution and World Politics. New York, 1964.

¹⁵ «Agenda for the Nation», Washington, 1968, p. 602—606.

¹⁶ «Foreign Affairs», January 1971, p. 239.

Многополярный мир, утверждают американские авторы, открывает широкие возможности для использования в глобальном противостоянии с социализмом различных политико-дипломатических комбинаций мировых сил, которые характеризуются ими как различные геометрические вариации «политической многополярности» (треугольник США — СССР — КНР; четырехугольник США — СССР — КНР — Япония; пятиугольник США — СССР — КНР — Япония — Западная Европа). «Под воздействием НТР баланс сил в этих комбинациях, — отмечает Г. Моргентхау, — становится чрезвычайно динамичным»¹⁷. Линия США, заявляют американские авторы, должна сводиться к тому, чтобы вести игру на существующих внутри этих комбинаций противоречиях посредством дозированного и взвешенного развития отношений с отдельными странами.

Извлечение для США максимальных выгод из особенностей нынешнего этапа глобального противоборства с социализмом связывается в первую очередь с возможностями, открываемыми для США раскольнической линией пекинского руководства. При рассмотрении различных политико-дипломатических комбинаций особое значение придается треугольнику Москва — Вашингтон — Пекин, маневрирование США в котором, по замыслу американских авторов, должно воспрепятствовать урегулированию советско-китайских разногласий, способствовать углублению раскола. Расходясь во мнениях относительно пределов и возможностей такого маневрирования, почти все авторы сходятся на том, что нынешний курс Пекина благоприятствует интересам как США, так и всего капиталистического мира. Говоря о том, что маоистское руководство поставлено перед необходимостью выбора в треугольнике США — СССР — КНР, американский китаевед профессор Калифорнийского университета (Беркли) Р. Скалапино с удовлетворением отмечает, что «нет ни малейших сомнений относительно того, чью сторону оно выбрало» и что с учетом этого США должны продолжать «вовлечение Китая в международную структуру»¹⁸.

Одним из главных авторов внешнеполитических концепций США является Г. Киссинджер. В своем подходе к вопросу о создании различных вариантов комбинаций сил он ориентируется на политику баланса сил (равновесия сил), истоки которой восходят к эпохе Священного союза и связаны с именем австрийского канцлера Меттерниха. Г. Киссинджер называет Меттерниха «последним дипломатом великой школы XVIII столетия, ученым в политике, хладнокровно и без эмоций создававшим свои комбинации в век, когда политика все больше подчинялась интересам «дела». В заслугу Меттерниха, как и английского дипломата того времени Кэслри, Киссинджер ставит умение создавать равновесие сил. Они были «сторонниками равновесия, направленного на обеспечение безопасности с помощью баланса сил. Их целью была стабильность, а не совершенство, и баланс сил служит классическим уроком истории, свидетельствующим, что никакой порядок не может быть в безопасности при отсутствии реальных физических гарантий против агрессии»¹⁹.

Идея баланса сил, которая рассматривается Киссинджером как важное средство обеспечения стабильности международной системы, предполагает поддержание относительного равновесия всех взаимодействующих на мировой арене основных центров сил путем создания разного рода комбинаций государств, скрепленных не только и не столько военными-политическими обязательствами, сколько широко развитыми политическими, торгово-экономическими, культурными и иными связями. Как ни уязвимы ее многие постулаты, концепция «баланса сил» все же представляет собой шаг в сторону большего политического реализма по сравнению с концепциями «пакс американа» (мира по-американски), подкреплявшими притя-

¹⁷ Н. М о r g e n t h a u. Op. cit., p. 217.

¹⁸ «Foreign Affairs», January 1974, p. 383, 385.

¹⁹ Н. К i s s i n g e r, A World Restored. New York, 1964, p. 317—319.

зания США на мировое господство. Современный вариант политики «равновесия сил» означает вынужденное признание буржуазными политиками нового соотношения сил в мире, признание роли социалистической системы и мирового революционного и освободительного движений. В то же время основу ее составляет прежде всего сохранение статус-кво не только в международно-политической, но и в социальной области, т. е. по существу она направлена против революционных изменений в мире. Но остановить процесс революционных изменений не во власти буржуазных политиков, ибо в основе его лежит действие объективных законов истории²⁰.

Баланс сил объявляется Киссинджером магистральным путем дальнейшего развития международных отношений. Однако при такой постановке вопроса не учитываются два важных обстоятельства: во-первых, система современных международных отношений чрезвычайно динамична и ее особенностью является не консервация того или иного соотношения сил, а его постоянное изменение; во-вторых, никакое равновесие сил не в состоянии воспрепятствовать возникновению войн и конфликтов, которые порождаются классовой природой эксплуататорского строя. Сохранение мира и упрочение международной безопасности требуют формирования новой устойчивой структуры мира не на основе баланса сил, а путем создания коллективной безопасности, отказа от противопоставления одних государств другим, укрепления взаимного понимания и сотрудничества государств с различным общественно-политическим устройством.

По-новому, с учетом нынешнего соотношения сил в мире, прежде всего с учетом неуклонно растущей военной и экономической мощи СССР, ставится в современных американских исследованиях и вопрос о средствах и методах внешней политики.

Основной целью внешней политики США американские политологи по-прежнему считают глобальное противоборство с социализмом. Однако специалисты-международники все более настоятельно подчеркивают необходимость новых направлений в этом противоборстве. В своем подходе к оценке силы как фактора внешней политики американским идеологам, безусловно, приходится считаться с тем, что в современных условиях применение военной силы чревато опасными последствиями для самого капитализма. «Неограниченное использование ядерного потенциала одной стороной против главного противника лишь гарантирует самоуничтожение»²¹, — констатирует Г. Киссинджер. Сдержанность в отношении применения военной силы должна стать нормой внешней политики, поскольку иная позиция связана с издержками международного и внутривнутриполитического характера, неприемлемыми с точки зрения национальных интересов США, — к таким выводам приходят американский исследователь Г. Тиллема и английский специалист в области стратегических исследований А. Бьюкен, особо подчеркивающий, что состояние современной техники и социальные условия оказывают сдерживающее воздействие на применение силы²². При этом учитывается, что силовая конфронтация с СССР и гонка вооружений не принесли США внешнеполитических дивидендов. Между СССР и США установился стратегический паритет, при котором их военные возможности взаимно уравновешивают друг друга²³. Применение силы даже в локальных войнах оказывается не в состоянии, как показал Вьетнам, обеспечить империализму не только военную победу, но даже ограниченный политический выигрыш. Настоятельной необходимостью

²⁰ См. Ш. С а н а к о е в. Проблема соотношения сил в современном мире. — «Международная жизнь», 1974, № 10.

²¹ Н. К и с с и н г е р (Ed.). Problems of National Strategy. New York, 1965, p. 5—6.

²² Н. Т и л л е м а. Appeal to Force: American Military Intervention in the Era of Containment. New York, 1973; А. В у ч а н. Power and Equilibrium in the 1970s. New York, 1973.

²³ Н. М о у л т о н. From Superiority to Parity: The United States and Strategic Arms Race, 1961—1971. New York, 1973.

становится неприменение силы в международных отношениях, решение спорных вопросов на основе переговоров.

В этих условиях, наряду с военным фактором, важнейшими компонентами силы объявляются экономический и научно-технический потенциал. «Наука и техника в громадных масштабах увеличивают национальную мощь»²⁴, — заявляет теперь один из вдохновителей военно-силовой политики Г. Моргентау.

Концепция «национальной безопасности» США в ее нынешнем толковании впервые за послевоенное время приглушает вопрос об абсолютном обеспечении военного превосходства США как цели американского военного строительства. Взамен выдвинута формула «достаточности» вооружений, которая признает состояние военного паритета между СССР и США и подчеркивает настоятельную необходимость не допустить изменения существующего равновесия в ущерб США.

Сформулированная на основе «достаточности» стратегия «реалистического сдерживания» в отличие от предшествовавших военных доктрин предусматривает широкое использование силы скорее в целях политического нажима, нежели открытого применения ее. Разумеется, концепция «сдерживания», или «взаимосдерживания», в основе которой лежит мысль о «равновесии страха», не может служить базой сколько-нибудь прочного и длительного мира. Не контроль над гонкой вооружений, как провозглашает эта концепция, а лишь принятие последовательных мер по пути к конечной цели — всеобщему и полному разоружению — может обеспечить реальную гарантию сохранения мира.

Признавая на словах политическую нецелесообразность войны, американские авторы в то же время ищут способы, с помощью которых можно было бы вернуть утраченную возможность использования военной силы по прямому назначению. Так, американский историк «холодной войны» Л. Халле, заявляя, что, «вероятно, прошло время и, возможно, навсегда, когда официальное использование войны, должным образом объявленной и ведущейся открыто, было принятой практикой среди организованных обществ», в то же время утверждает: «То, чему я не вижу конца, — это сохранение всеми обществами вооруженных сил и их использование в насильственных действиях». В этой связи он видит выход в выработке «правил игры» на случай применения военной силы²⁵. За подобными рассуждениями, сдобренными показной гуманностью, скрывается вполне определенная попытка обосновать гонку вооружений, воспрепятствовать укреплению в сознании людей мысли о недопустимости использования средств массового уничтожения. Признание политической нецелесообразности войн должно означать не разработку правил для применения силы, а отказ от использования силы, создание условий для исключения войны из жизни международного сообщества государств.

Эволюция в оценке военной силы как основы внешней политики США предопределила и поворот американских авторов к проблемам дипломатии, которая одно время в теоретических трудах по существу была предана забвению. Все больше внимания уделяется необходимости взять на вооружение испытанные методы дипломатии, и прежде всего переговоры, в том числе и с социалистическими странами, скованные «холодной войной»²⁶. Признавая желательность и целесообразность с точки зрения интересов США достижения в ходе переговоров определенных соглашений, значительная часть американских авторов в то же время предлагает в подходе к соглашениям руководствоваться методом «сцепления» международных проблем, или методом «пакетных сделок», что предполагает искусственное

²⁴ Н. М о r g e n t h a u. Op. cit., p. 223.

²⁵ «Foreign Affairs», October 1973, p. 33—34.

²⁶ Н. В r a n d o n. The Retreat of American Power. Garden City, 1973: «SALT. Implications for Arms Control in the 1970s». Ed. by W. Kintner and R. Pfalzgraff Jr., Pittsburgh, 1973.

увязывание воедино самых разнообразных спорных вопросов с тем, чтобы договоренность по каждому из них зависела от компромисса по всем вместе взятым, имея в виду «сбалансированность» уступок каждой из сторон. Метод «пакетных сделок» уходит своими корнями в доктрину «политического торга», нацеливающую на получение желаемых дипломатических результатов посредством соответствующего политического нажима (давления). Внедрение его в практику переговоров отнюдь не способствовало бы достижению взаимопримлемого баланса интересов.

Одним из новых направлений в исследовании внешней политики является интенсивная разработка вопросов планирования и программирования внешнеполитических акций США. Одновременно теоретические исследования изобилуют многочисленными предложениями по реорганизации структуры Совета национальной безопасности — центрального пульта управления внешней политикой США — и по дальнейшему совершенствованию органов планирования в ведомствах внешних сношений, в первую очередь в госдепартаменте²⁷.

Признание правящими кругами США нового соотношения сил в мире, самоубийственности попыток развязать войну против СССР, переосмысление национальных приоритетов и целей, пересмотр арсенала внешнеполитических средств предопределили и новый подход американских ученых к такому важному направлению внешней политики США, как отношения со своими союзниками — капиталистическими государствами Запада. Согласно распространенному в американской литературе мнению, США рассчитывают на то, что, утвердившись в качестве главного мирового центра развития и распространения современной науки и техники, они смогут перестроить с максимальной выгодой для себя систему взаимоотношений с союзниками и тем самым сохранить лидирующее положение в капиталистическом мире. Весьма характерна в этом отношении постановка вопроса о руководящей роли США. Если на протяжении всего послевоенного периода эта роль понималась как навязывание союзникам «американских рецептов», то теперь миссия США в западном мире все больше сводится к роли дирижера, к обеспечению равномерного распределения между союзниками бремени и ответственности, связанных с выполнением общих задач, к их широкому привлечению для выработки общей стратегической линии в различных областях внешней политики.

Для обоснования такого подхода привлекается концепция «партнерства». Сама по себе эта концепция не является новой. Еще в конце 40-х годов руководящие деятели США говорили о «партнерстве» стран западного мира, подчеркивая, что его гарантом являются США. Однако только теперь, когда США пришлось признать факт укрепления экономической самостоятельности и политической независимости стран Западной Европы и Японии, эта концепция стала частью официальной доктрины «зрелого партнерства» и получила всестороннее развитие.

Суть этой концепции была изложена в вышедшей еще в 1965 г. книге Г. Киссинджера «Беспокойное партнерство». Свое дальнейшее развитие она получила в работах С. Хоффмана, С. Батора, Р. Пфальцграффа, Т. Вольфа и др.²⁸ Один из основных принципов партнерства усматривается в подтверждении Соединенными Штатами всех ранее принятых договорных обязательств. При этом отмечается, что американские обязательства находятся в «некоем динамическом процессе», который предполагает увеличение военно-политического вклада союзников в выполнение общих задач стран Запада. В частности, утверждают, что США в своих договорных обя-

²⁷ M. Halperin. *Bureaucratic Politics and Foreign Policy*. Washington, 1974.

²⁸ H. Kissinger. *The Troubled Partnership*. New York — London, 1965; S. Hoffmann. *Gulliver's Troubles, or the Setting of American Foreign Policy*. New York, 1968; «*Agenda for the Nation*», 1968; R. Palfaff. *The Atlantic Community. A Complex Imbalance*. New York, 1969; T. Wolfe. *Soviet Power and Europe 1945—1970*. Baltimore, 1970.

зательствах должны исходить из признания их союзниками необходимости несения «основной ответственности» в региональных конфликтах, затрагивающих в первую очередь их собственные, а не американские интересы.

Концепция «зрелого партнерства» по существу является попыткой обосновать создание такой системы взаимоотношений США с другими капиталистическими государствами, которая обеспечивала бы достаточно прочную и долговременную их зависимость и в то же время не вызвала бы сильной оппозиции ни в других странах, ни в самих США. С помощью «партнерства» американские политики предполагают сплотить разъедаемый противоречиями капиталистический мир в его противоборстве с социализмом.

Обсуждение широкого круга проблем, касающихся усиления внешнеполитической деятельности США, тесно увязывается американскими исследователями с активным использованием средств и методов идеологической борьбы, несмотря на все их рассуждения о «деидеологизации» мировой политики. Вне зависимости от различного понимания ими существа и характера этой борьбы в современных условиях, американские авторы сходятся на том, что век науки и техники требует максимальной мобилизации ресурсов на идеологическом направлении. Это объясняется, в частности, тем, что развертывание научно-технической революции, особенно в области средств коммуникации, способствует, в частности, возрастанию влияния народных масс на формирование и осуществление внешней политики. Так, исследователь воздействия НТР на международные отношения Ю. Скольников, отмечая, что возрастание роли телевидения в жизни людей предполагает более широкое вовлечение масс во внешнюю политику, указывает и на другое, сопутствующее этому обстоятельству. «Телевидение, — пишет он, — способствует тому, что моральные ценности общества становятся неотъемлемыми элементами политического процесса»²⁹.

Новым средством внешней политики объявляются научно-технические связи. В американской литературе получила хождение концепция «дифференцированного политического подхода» к научно-техническим связям, которая предполагает их использование не столько в интересах сотрудничества государств, сколько для достижения вполне определенных внешнеполитических целей. При этом имеется в виду применение такого подхода прежде всего к вопросам научно-технического сотрудничества с социалистическими странами.

Американский ученый Г. Кистяковский как-то в бытность свою помощником президента США Д. Эйзенхауэра заявил, что развитие научно-технических связей с СССР должно «привести к постепенному размытию воинствующих аспектов коммунистической идеологии»³⁰. Хотя впоследствии Кистяковский и отказался от мысли об использовании научно-технических связей в узкокорыстных политических целях, тем не менее многие американские исследователи международных отношений разделяют столь четко сформулированную им в свое время точку зрения.

Так, для Бжезинского научно-технические связи — это всего лишь катализаторы «эрозии» социалистического строя³¹. Без подрывного запала такие связи его попросту не интересуют. В таком же духе предлагает действовать М. Зингер, который считает, что экономическая помощь и культурные связи, будучи «благообразными» инструментами силы, являются по сравнению с мерами принуждения более эффективными с точки зрения

²⁹ E. Skolnikoff. *The International Imperatives of Technology*. Berkeley, 1972.

³⁰ «Department of State Bulletin», 22.II.1960, p. 278.

³¹ Z. Brzezinski. *Op. cit.*, p. 74; «U. S. Relations with Europe in the Decade of the 1970's». Hearings before the Subcommittee on Europe of the Committee on Foreign Affairs. House of Representatives. 91st Congress, 2nd Session, February, April 1970. Washington, 1970, p. 230, 233.

воздействия в нужном для США направлении ³². Ратуя на словах за развитие научно-технических контактов, Бжезинский, Зингер и им подобные на деле выступают противниками налаживания действительно взаимовыгодных экономических и научно-технических связей. Показательно, что сейчас эти взгляды взяты на вооружение рядом американских политиков, выступающих против разрядки (Джексон, Веник, Айкорд и др.)

Однако далеко не все американские авторы разделяют такую точку зрения. Все более широкое распространение получают взгляды тех, кто смотрит на вещи более реалистически. По их мнению, развитие научно-технических, равно как и других связей должно строиться на взаимовыгодной основе. Выразителем этой точки зрения является директор Центра международных исследований при Массачусетском технологическом институте Ю. Скольников.

* * *

«В наше время ход научно-технической революции и связанный с этим огромный рост созидательных и разрушительных потенциалов государств, — указывал в одном из своих выступлений глава Советского правительства А. Н. Косыгин, — все более и более увеличивают историческую значимость политики мирного сосуществования. Вряд ли можно сомневаться в том, что на протяжении ближайших десятилетий будущее человечества во многом будет определяться тем, явятся ли принципы мирного сосуществования основой для взаимоотношений государств или же будут сохраняться международная напряженность и гонка вооружений» ³³.

Новые веяния в теоретическом подходе американских ученых к международным отношениям нашли отражение и в их подходе к отношениям с Советским Союзом, который рассматривается в настоящее время и на обозримое будущее как наиболее могущественный соперник США в политическом, военном, экономическом и идеологическом плане.

Американские теоретики, многие из которых в свое время встречали в штыки концепцию мирного сосуществования государств с различным социальным строем, вынуждены теперь признать ее обоснованность, тем более что она официально признана правительством США в документах, подписанных в ходе четырех советско-американских встреч на высшем уровне в 1972—1974 гг.

Это находит свое отражение прежде всего в признании несостоятельности выдвинутой Дж. Кеннаном и подхваченной другими авторами доктрины «сдерживания» как основы политики США в отношении СССР. Однако США по-прежнему направляют свои усилия на то, чтобы «сдерживать» коммунизм в пределах существующих границ, воспрепятствовать дальнейшим изменениям соотношения сил в пользу социализма. Вместе с тем в условиях непрерывного роста могущества СССР американские идеологи считают целесообразным ориентировать внешнюю политику, как это предусматривала концепция «сдерживания», на применение силы в отношении социалистического содружества. В условиях военного паритета они видят наиболее удобное средство для достижения своих целей в переводе борьбы с СССР на невоенные рельсы, главным образом в экономическую и научно-техническую плоскость, и в активном идеологическом обеспечении этого нового плацдарма борьбы.

Признание принципа мирного сосуществования в качестве основы взаимоотношений между СССР и США заставляет американских политологов пересмотреть свое отношение к этому принципу, который на протяжении длительного времени категорически отвергался ими. Так, М. Шульман признает, что мирное сосуществование является «лучшим рабочим

³² M. S i n g e r. Weak States in a World of Powers: The Dynamics of International Relationship. New York, 1972.

³³ «Правда», 20.X.1971.

определением, чем какое-либо иное» для обозначения нынешнего этапа в развитии советско-американских отношений³⁴. Предлагаемая Шульманом в этой связи «западная философия мирного сосуществования» является весьма показательной с точки зрения интерпретации данного важнейшего принципа американскими исследователями международных отношений. Сознвая необходимость «по-новому и вдумчиво взглянуть на глубокие изменения, происходящие внутри стран и в отношениях между ними», Шульман вынужден признать несостоятельность ставки на военную силу как основы политики в отношении СССР. «Невоенные формы силы, и в частности экономические и технические, приобретают все большее значение как источники политического влияния»³⁵, — заявляет он. Новой стратегической ситуации в мире соответствует, отмечает Шульман, не военное превосходство и не политика «с позиции силы», а военный паритет и политика «с позиции равенства» в отношении государств иной социальной системы.

Казалось бы, логическим продолжением этого должно явиться признание необходимости активного сотрудничества государств с различным общественным строем во всех областях, где это возможно и взаимовыгодно. Именно это и составляет содержание мирного сосуществования.

Шульман же вкладывает совершенно иное понимание в принцип мирного сосуществования, выхолащивает из него его подлинную сущность. При рассмотрении вопроса о мирном сосуществовании с СССР Шульман вводит понятие семи уровней (областей) в отношениях между СССР и США: военно-стратегический, обычных вооружений, политический, экономический, идеологический, культурный, функциональный³⁶. Можно спорить уже по поводу предлагаемой Шульманом градации уровней советско-американских отношений, но не в этом суть дела. Главное состоит в другом. Такая градация нужна Шульману для того, чтобы дифференцировать политику в отношении СССР в каждой из рассматриваемых областей. Характерно, однако, что общим знаменателем для всех областей отношений США с СССР он объявляет «соперничество».

Подход к отношениям с Советским Союзом с позиций «соперничества» приводит к тому, что даже в тех случаях, когда Шульман допускает целесообразность некоторого сотрудничества, как, например, в экономической области, мотивацией такого сотрудничества становятся далеко не экономические соображения. Шульман прямо поясняет, что имеет в виду расчет «на долговременную трансформацию советской системы». В качестве тактического приема он рекомендует «сочетание частного и группового давления с официальной правительственной позицией невмешательства» в советские внутренние дела. Иными словами, «сотрудничество» рассматривается как рычаг для политического нажима на Советский Союз. Те же враждебные СССР и другим социалистическим странам цели обнаруживаются и тогда, когда Шульман пишет о «праве на свободный доступ и невмешательство с помощью силы (другое вмешательство, следовательно, вполне допустимо. — В. П.) в процессы внутренних изменений в Восточной Европе»³⁷, что означает не что иное, как призыв к «размыву» социалистического сотрудничества.

Шульман не делает секрета из того, что предлагаемый им вариант западной философии «мирного сосуществования» должен служить вполне определенным классовым целям — утверждению капиталистической системы и ее социальных и иных порядков во всем мире. «Во времена бурных и быст-

³⁴ «Foreign Affairs», October 1973, p. 36.

³⁵ Ibid., p. 39—40.

³⁶ Под последним термином имеются в виду межгосударственные отношения в таких областях, как защита окружающей среды, медицина и здравоохранение, освоение космоса, сельское хозяйство, океанография, транспорт и мирное использование атомной энергии.

³⁷ «Foreign Affairs», October 1973, p. 55, 56, 54.

рых изменений центральная цель нашей внешней политики, — пишет Шульман, — делать все возможное для того, чтобы содействовать складыванию такой обстановки в мире, в которой ценности, составляющие, по нашему мнению, сущность нашего общества, если мы верны себе, могут сохраняться и возрастать при проведении политики»³⁸.

Сведение всего принципа мирного сосуществования исключительно к соперничеству, хотя и в ограниченных масштабах, фактическое исключение возможностей сотрудничества на взаимовыгодной основе — все это противоречит зафиксированной в совместном советско-американском коммюнике 24 июня 1973 г. решимости сторон «предпринять дальнейшие крупные шаги с тем, чтобы придать их отношениям максимальную стабильность и превратить развитие дружбы и сотрудничества между их народами в постоянный фактор международного мира»³⁹.

При всей зыбкости позиций Шульмана выдвигаемая им концепция «ограниченного соперничества» — пример умеренного подхода к отношениям с СССР, поскольку ее основной смысл сводится к признанию несостоятельности силовой конфронтации с Советским Союзом, целесообразности решения существующих проблем на мирных рельсах, путем переговоров. В то же время эта концепция отражает лишь одно направление в теоретической мысли США.

Умеренно реалистическому крылу в американской политологии противостоят правые силы, которые пытаются всячески дискредитировать политику мирного сосуществования, утверждая, что она якобы принципиально чужда социализму, что будто бы применяется СССР на выборочной основе, лишь в некоторых регионах и по отношению к отдельным странам, что, наконец, СССР не может быть надежным партнером по сосуществованию. Разжигая антисоветский психоз, авторы правого толка активно сопротивляются разрядке, пытаются сохранить, хотя и в несколько подновленном виде, внешнеполитические установки «холодной войны». Так, профессор Гарвардского университета Р. Боуи предлагает сохранить обанкротившуюся концепцию «сдерживания» с ее главной ставкой на превосходящую военную силу, дополнив «сдерживание» «ограниченным соперничеством»⁴⁰. У. Лакер проповедует наступление периода «прохладной войны», т. е. такого периода, когда схватка не на жизнь, а на смерть между двумя непримиримыми противниками будет вестись в рамках определенных правил⁴¹.

Сложный и противоречивый характер, которым отмечены эволюция и современное состояние внешнеполитического мышления США, является показателем тех глубинных процессов, которые происходят в американских правящих кругах на новом этапе международного развития, характеризующемся возрастающим влиянием сил социализма. Наметившийся поворот к реализму при всей его противоречивости, безусловно, отражает позитивные сдвиги в умах американских идеологов, но эти сдвиги порождены не их благими намерениями и альтруизмом, а осознанием суровой истины — изменения соотношения сил в пользу социализма. Истоки этих процессов лежат в успехах социализма, росте могущества СССР и социалистического содружества. И если ныне в США звучат голоса тех, кто выступает за новый подход к международным делам, то это одно из достижений советской внешней политики, которая своими активными, целеустремленными акциями добилась признания принципов мирного сосуществования в качестве нормы отношений государств с различным социальным строем.

³⁸ Ibid., p. 49—50.

³⁹ «Визит Леонида Ильича Брежнева в Соединенные Штаты Америки». М., 1973, стр. 104.

⁴⁰ «Christian Science Monitor», 7.IV.1972.

⁴¹ «The New York Times Magazine», 14.IX.1972.